

ИЗ ИСТОРИИ ЧИЧКА-ЮЛЬСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА НКВД
(По воспоминаниям тех, кто в нём работал и старожилов
Первомайского района Томской области, районному архиву)

П Р Е Д Ы С Т О Р И Я

Она исполнена всенародного трагизма, одним из ступеней которого стал отдалённый угол томской тайги.

На рубеже 20-х - 30-х годов XX века в нашей стране началась всенародная трагедия, которую мы теперь называем раскрестьяниванием кормильца нашего общества, начатое и проводимое по инициативе Сталина и в конечном итоге приведшее к полному расстройству продовольственного снабжения широких масс населения и промышленности более дешевым и постоянно воспроизводимым сырьём, превратившее Россию из крупнейшего поставщика хлеба за границу в закупщика его за рубежом. С самого начала определились два направления этого антинародного явления.

ПЕРВОЕ. Это насильственное объединение крестьян, преимущественно бедняков, почти не имевших средств производства, в колхозы, так называемая коллективизация сельского хозяйства. Как она проходила в Первомайском районе, в то время называвшемся Зачулымским, очень ярко описывает в своих интереснейших воспоминаниях Павел Иванович Волков, 50 лет проработавший учителем и директором Рождественской школы :

"Новый секретарь райкома партии Гриднев, избранный в начале 1929 года, носился по району и старался правдами и неправдами добиться сплошной коллективизации в Зачулымье...

12 марта собрали записавшихся в колхоз комсомольцев и активистов того и другого села, решили обойти дома и поговорить не только с хозяином, но и со всеми членами его семьи. Гриднев (он приехал на наше собрание) настаивал на организации крупного хозяйства - одного колхоза Рождественки и Узени.

...В Узени в каждом доме комсомольцы требовали, чтобы хозяин немедленно писал заявление, а иногда давали готовое - только подписать, угрожая, что если он сегодня же не вступит в колхоз, то завтра будет выслан из села в Туруханский край. К вечеру из Узени поступило 108 заявлений. Узнав о выселении, рождественцы, не подавшие заявлений, до позднего вечера несли их и просили, чтобы их-то не забыли принять в колхоз. Поступило 156 заявлений из обоих сёл."

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. Это ликвидация "кулачество" как класса - раскулачивание, вылившееся в полное их ограбление. Из хлебных районов миллионы лучших пахарей и сеятелей -- преимущественно середняков, безнаказанно отобрав нажитое тяжёлым трудом их хозяйство и имущество, увезли в отдалённые места севера России и Сибири. Оставляли их там на поселения в необжитых таёжных диких краях. Летом 1931 года спецпереселенцы (власти их ещё называли трудоноселенцами) были пригнаны в Первомайский район, в то время объединённый с Ново-Кусковским, а вскоре переименованным в Асиновский.

Вот как это было.

Весной того года на железнодорожную станцию Абакан из всех южных районов Красноярского края тянулись нескончаемые вереницы конных подвод, до отказа нагруженных узлами и мелкой домашней утварью, а также маленькими детьми и немощными стариками ; здоровые и молодые угрюмо шагали за телегами. Эти скорбные обозы двигались под конвоем военнослужащих войск НКВД. Тут крестьянские семьи, многие из них были многосемейными, загоняли в телячьи вагоны, и эшелон за эшелон отходили в никому неизвестном направлении. В одном из них была большая группа хакасов. Русское население было из Курагинского, Усинского, Идринского, Каратузского, Боградского, Минусинского и других райрнов обширного сибирского края, делящего Сибирь на Западную и Восточную.

От Ачинска эшелоны поворачивали на запад, но доходили лишь до станции Ижморской. Отсюда раскулаченные следовали до Чулыма на подводах, мобилизованных во всех попутных сёлах крестьян. Разгружались они возле с. Зырянского, прямо на пустынном берегу реки и располагались огромным лагерем, охраняемым войсками НКВД, укрываясь от дождя и солнца в примитивных палатках и навесах, сооружённых из подручного тряпья, спали на земле. Вот тут и началась первая эпидемия, люди умирали от недоедания и кишечно-желудочных заболеваний. Многие семьи жили тут по нескольку недель. Большие группы выселенцев грузили на пароходы и баржи и увозили в Верховье и низовье Чулыма.

Так на границе Зырянского и Тегульдетского районов на болотистой пойме р. Чулым образовался в последствии сплавной посёлок Заломная, а в 7-10 километрах от него, в глубине тайги -- лесозаготовительные пункты Туилинский и Тайгинский. Подобные же поселения из раскулаченных возникли и на притоке Чулыма реке Четь.

В низовьях Чулыма трудопоселенцы были высажены с пароходов и барж в таёжных местах Асиновского района - деревне Кайлушка и других. На территории нынешнего Первомайского района трудопоселенцы построили посёлки Францево, в среднем течении притока Чу-

лыма реки Чичка-Юл, а севернее Захарково на таком же притоке, реке Улу-Юл. Во всех этих местах бывшие хлеборобы и скотоводы "переквалифицировались" в лесорубов и сплавщиков.

Большая группа спецпереселенцев из временного Зырянского лагеря была вновь погружена на подводы, которые вскоре на пароме переправилась в Зачулымье. Александр Трофимович Ерохин, Елизавета Леонтьевна Шестакова и Пётр Ильич Ботев, полной мерой хлебнувшие спецпереселенческого лиха, хоть и поврозь, но одинаково рассказывали во время личных бесед с ними, как и все предыдущие:

"Везли нас через сёла: Змеинку (ныне с. Городок), Медодат, Калиновку, Линду, Зимовское (все Первомайского района. — Н. Б.) мобилизованные крестьяне из этих же деревень, но в основном эстонцы из Линды. Так мы оказались в ста километрах и дальше от села Пышкино-Троицкое (ныне районное село Первомайское). Кинули среди глухой тайги и гнуса, на горях. Сперва жили в шалашах, потом, когда наступили холода, стали рыть землянки, где были возвышения, а где их не было — шалаша обкладывали дёрном и в них же днём и ночью спасались от мороза у костра. Во многих землянках жили по две-три семьи, в тесноте и холоде. От простудных заболеваний началась смертность. Одновременно рубили бараки типа пятистенных домов и перегораживали их на две части. В каждой опять же размещались по две-четыре семьи, спали на нарах, вповалку. Бараки из свежего хвойного леса были сырые и холодные, глинобитные печи мало грели."

А. Т. Ерохин добавляет: "Смертность усилилась летом: страшный гнус и истощение после зимней голодухи, несмотря на то, что власти снабжали небольшим количеством муки и крупы, и некоторое улучшение питания и за счёт трав и ягод вызвало кишечно-желудочные заболевания. Из нашего посёлка ежедневно на кладбище уносили по 15-17 гробов."

Спецпереселенцами были построены три участка и на каждом из них возникло по три-четыре посёлка с довольно большим населением. Строили их раскулаченные, обычно, из одного района. Например, на первом участке были срублены посёлки Майский (Индрицкий район), Чичка-Юл, Февральский (его строили и заселили хакасы), "Трудовик". На втором участке образовались три посёлка: Ключевской (Каратузской район), Березовский (Курагинский район) и Осиновский (Богградский район). На третьем участке был построен посёлок Сухореченский и спецпереселенцев поселили в старожильческой деревне Понамарёвке (Богградский район).

На каждом участке были так называемые поселковые комендатуры, которые подчинялись участковой, располагавшейся вначале в с. Сергеевка

Сергееве, а позже в с. Пышкино-Троицкое. Без разрешения коменданта ни один спецпереселенец не имел права отлучаться от своего посёлка, тем более, с участка. В каждом посёлке принудительным порядком были созданы артели типа колхозов. Они раскорчёвывали, распахивали, засеивали старые гарь рожью и овсом, работали по принудилровке же, сезонниками ана лесозаготовках и извозе.

Примерно через год на все участки, по рассказу А.Т. Ерохина, прибыла новая партия трудпоселенцев с Волги — из Астраханской, Саратовской и других областей (ещё не немцы). Это были, в основном, молодые юноши и девушки, интеллигентные и образованные. Эта вторая волна тоже была многочисленной. За что сюда сослали, никто из них не знал. Они были весёлые люди: плясуны и песенники. Большинство из них погибло: гнус летом (расцарапывали руки и ноги до крови и последующего её заражения), постоянное недоедание, плохая одежда. Жена П.И. Ботева Мария Артемьевна, рассказывает:

— Моя сестра, Анна Путинцева, работала тогда медиком на третьем участке. Ей не раз приходилось оттуда ходить в больницу на второй участок. И всякий раз на протяжении восьми километров на дороге валяником подряд лежали мертвецы из числа этой молодёжи.

Третья волна спецпереселенцев была самой изуверской. В Москве и области, в других городах России устраивались облавы на семейных и одиночных цыган, их грузили в телячьи вагоны и увозили на Восток, в Сибирь. Большая группа их была пригнана в Первомайский район. Близ спецпереселенческих участков согнанными из колхозов русскими крестьянами был построен большой посёлок (три длинные улицы бараков) Евстигнеевка. По свидетельству А.Т. Ерохина, цыган было не менее тридцати тысяч. Это подтверждает и П.И. Волков:

— Я учился заочно в ТГУ и в конце июля возвращался с летней сессии. На паромной переправе через Чулым близ нынешнего посёлка Борисова гора, которого ещё тогда не было, задержался на шесть часов. На пароме перевозили цыган. Было не менее тысячи подвод. Но за один день переправить их не смогли. Перевезённые устраивались на Борисовой горе в палатках, а оставшиеся на другом берегу, коротали ночь у костров.

В Евстигнеевке была своя комендатура. Из цыган хотели сделать колхоз, но степные вольные кочевники не умели ни корчевать лес, ни пахать, ни сеять. Картошку они с одного конца поля садили, а с другого выкапывали, пекли на кострах и съедали. Привезённые в Евстигнеевку поздней осенью, зимой они сожгли в бараках полы, потолки (костры разводили прямо внутри жилищ) и начали тысячами разбегаться, но заблудившись в тайге и кружа поблизости от посёлка, замерзали. А.Т. Ерохин рассказал, что потом в Тайге находили огромные кучи их костей.

Подавляющее число цыган погибло. Детей во время побегов они бро-

сали в Евстигнеевке, где для них был образован детский дом.

Эта страшная трагедия произошла примерно в 1933-34 годах (установить точную дату пока не удалось ни по воспоминаниям ветеранов, ни по документам)

И С Т О Р И Я

Для осиротевших детей спецпереселенцев, живших и погибших на участках, был также открыт детский дом, названный Чичка-Юльским. Он находился в ведении культурно-воспитательной части (КВЧ) Пышкино-Троицкой участковой комендатуры, подчинявшейся непосредственно отделу поселений и мест заключения УНКВД Западно-Сибирского края, находившемуся в г. Новосибирске. Точную дату образования этого детского дома тоже пока установить не удалось. Но вот что рассказала Мария Артемьевна Ботева :

-В апреле 1934 года я, тогда ещё молоденькая девушка, только что окончившая семилетку, была направлена воспитателем в Чичка-Юльский детский дом. Он в то время располагался в посёлке Февральском, из которого живших там хакасов переселили в другие посёлки. Дети жили не менее, чем в десяти бараках, спали на топчанах. Матрасы были набиты соломой, кормили беспризорников неважно, одевали скуповато. Дети были в возрасте от семи до шестнадцати-семнадцати и старше лет, особенно цыганские. Заведовала детдомом Анна Лукинична Желеховская. А поблизости строили большое двухэтажное здание. Когда оно было готово, все сотрудники детдома ходили на его отделку, с детьми работать было некогда. В новом здании были уже хорошие кровати, застеленные хорошими постелями. Кормить и одевать воспитанников стали лучше, потому что было подсобное хозяйство. Одежду шили форменную, различную для каждого класса, чтобы дети её не путали. Ещё в старых бараках А.Д. Желеховскую сменил Иван Дмитриевич Поданев.

-Мне было восемнадцать лет, - вспоминает И.Д. Поданев, - когда меня с заведования Сухоложенской начальной школой (Зырянский район) перевели на заведование Чичка-Юльским детским домом, куда я приехал в начале июля 1935 года. Воспитанники находились в посёлке Февральском. Их было около двухсот человек разного возраста, некоторые старше меня, девяти национальностей : русские, украинцы, белоруссы, поляки, цыгане, татары, хакасы и другие; в основном сироты, лишь некоторых цыганят бросили родители. Поступали они в детдом в большинстве из окружающих посёлков по направлениям комендатур. В марте 1936 года детей перевели в новое здание.

С 9 января 1937 года И.Д. Поданева сменил Д.П. Таусенев. А в середине февраля этого года Евстигнеевский детский дом был закрыт, а его персонал переведён в Чичка-Юльский, сюда же перевезли часть воспитан-

ников — старшие группы, а младших отправили в Вороново-Пашенский детдом Асиновского района. Увозил их туда А.Т.Ерохин, в то время работавший воспитателем Евстигнеевского детдома.

Поздней осенью 1937 года в Чичка-Юльский детский дом привезли детей репрессированных (загнанных в лагеря, а в большинстве расстрелянных по воле Сталина ни в чём ни повинных людей). Среди них был семилетний сын соратника В.И.Ленина — Л.В.Каменева, Володя.

Вот как эту трагическую одиссею поведал сам Владимир Львович Глебов (фамилия его матери), ныне работающий доцентом на кафедре философии в Новосибирском электротехническом институте ("Строительная газета" от 11 августа 1988 г.):

"После года в Бийском детприёмнике я был направлен в детский дом, в посёлок Чичка-Юл Томской области. От Томска до Пышкино-Троицка плыли на барже по Чулыму. Потом от реки две недели добирались до места на телегах через тайгу. Вот где нашли себе приют дети "врагов народа".

В личной беседе с автором настоящей статьи В.Л.Глебов дополнил: — Среди воспитанников детского дома было процентов шестьдесят детей "врагов народа", остальные — бандиты, (мы их называли "атаманами") и процентов двадцать в их числе цыганских детей.

Следует, однако, заметить, что эти данные ни документально, ни чьими-нибудь воспоминаниями не подтверждены: как количество детей репрессированных, так и в отношении "бандитов", скорее всего ими считали спецпереселенческих сирот и цыганят. Правда, в Первомайском районном архиве сохранился список воспитанников Торбеевского детского дома, переведённого туда из Чичка-Юла, за 1941 год. В нём встречаются такие записи:

" 5. Амельченко Елена Михайловна, год рождения — 1933, сведения о родителях — отец, мать взяты по линии НКВД, откуда прибыл(а) — Томский детприёмник ...

9. Алин Анатолий Алексеевич, год рождения — 1932, ... мать умерла, отец взят по линии НКВД, прибыл из деревни Калиновка "

(Фонд 45, опись 2, дело 2).

Следующими по списку значатся его сестра Анна 1935 года рождения и брат Илья 1939 года рождения, прибыли из села Сергеева. (Оба эти селения находятся в Первомайском районе).

Под номерами 37 и 38 числятся брат и сестра Кулеш, Эдуард Адамович 1932 года рождения и Янина 1934 года рождения, поляки. Их мать и отец, колхозники из деревни Константиновка (Первомайский район), взяты по линии НКВД. К сожалению ни по этому списку, ни по другим архивным документам невозможно установить — непосредственно ли эти дети доставлены в Торбеевский детский дом или прибыли из Чичка-Юла.

22 марта 1939 года Чичка-Юльский детский дом сгорел. Его поджёг один воспитанник, вначале сбежавший, но пойманный. После поджога

он опять пытался скрыться и вновь был возвращён. Здание горело двое суток, воспитанники находились в школе, а затем их перевезли в село Торбеево, расположенное в двенадцати километрах от села Пышкино-Троицкое (ныне село Первомайское). Сюда переехал и сын Л.В.Каменева и пробыл до 1942 года.

Чичка-Юльский детский дом перестал существовать, однако его история продолжалась на новом месте. Содержательна и по-прежнему трагична дальнейшая судьба его воспитанников.

Барсагаев Павел Алексеевич

Л И Т Е Р А Т У Р А И И С Т О Ч Н И К И

1. Архив Первомайского района Томской области
2. А. Безрядин . О времени и об отце, соратнике В.И.Ленина, размышляет философ В.Л.Глебов . "Строительная газета" № 135 от 11 августа 1988 г. стр.4.
3. П. Барсагаев . В таёжном детдоме. Газета "Красное знамя" № 27 от 2 февраля 1989 г. стр.3.